

У склепа

Под кремлевской стеной, где вызванивают невнятно куранты
III Интернационал, у братских могил, — свежий наскоро сделан-
ный склеп, обшитый досками, и на них, выкрашенных в стальной
цвет, начертано одно, ставшее большим, как мир, слово:

ЛЕНИН

Склеп застыл неподвижно-строгим броневином у этого штаба
краснозвонной, краснозвездной рати. Склеп стоит, как верный,
молчаливый страж.

...Дни прощальных, последних приветов отошедшему и упорно,
неотвязно горькое горечью недавней утраты имя:

Ленин.

Призыв и знамя, пароль и лозунг, клятва верности и зов в гря-
дущие века, боевой клич и символ братства и товарищества.

* Первый номер журнала «Красная новь» вышел в июне 1921 г. — *Ред.*

Двоится образ подвижного крепкого человека и того, чьи уста больше никогда не разомкнутся в живом трепете слова. Кажется, сказано все, что нужно, в сотнях и тысячах статей подведены итоги, и вместе с тем есть что-то важное, о чем не написано и что будет написано гораздо позже и нескоро. В такие моменты с особой острою ощущается бедность и ограниченность языка.

...Ленин...

* * *

...Россия издавна жила в бунтах, в восстаниях, в кровавой и крестной борьбе трудовой, исподней народной массы. История этой тяжбы уходит в глубь и в темь веков. Она известна в самых общих очертаниях. Историческая жизнь наших окраин протекала под знаком этой борьбы. Туда спасались наши бегуны, протестанты, не умевшие мириться «смерды» и «холопы», пострадавшие от царского чиновничьего, дворянского гнета. Вольная, буйная запорожская сечь, глухие таежные места Сибири, бескрайние степи Оренбурга, холодные скалы и тундры северного края давали приют искателям «праведной жизни», тем, кто отстаивал свои права на лучшую жизнь и прежде всего право владеть и обрабатывать свободно землю.

Не раз и не два с Пугачевым, с Разиным, с другими народными атаманами и вожаками поднималась наша «голытьба», огнем и мечом мстя дворянству и купечеству за свои тяготы и за свою беспросветную жизнь. То, что представлялось идиллией в учебниках истории, в повестях и романах, в поэмах и стихах, было напоено, наполнено до краев то глухой и скрытой, то явной и звучащей, как набат, борьбой угнетенных против угнетателей.

Но всегда бывало так, что движение, борьба крестьянских масс разбивались о гранит деспотического государства. Государство было организовано, имело сложный административный аппарат, регулярную армию, опиралось на поместное дворянство со своеобразной культурой. Крестьянство жило в неподвижных, патриархальных, отсталых, крепостнических условиях, было распылено, поголовно неграмотно, бескультурно; оно поднималось стихийно, неорганизованно и так же стихийно бросало оружие при первых неудачах. Такие поражения были неисчислимы и постоянны. Складывалось убеждение, уверенность даже: «против рожна не по-прещь», «не нами началось, не нами и кончится». Казалось, что верхние и нижние социальные этажи будут существовать вечно, а борьба угнетенных обречена на поражения.

Так было не только в России, так было в Турции, в Индии, в Китае, в Японии.

В так называемую «эпоху великих реформ» крестьянству нашему удалось расшатать классическое крепостничество, но здесь не было победы. Царский и дворянский гнет остался, крепостничество осталось в своих пережитках.

Во второй половине XIX века пришла революционная народническая интеллигенция, но она была слишком чужда народу, далека от него, новый класс-борец еще не сформировался, и героические усилия нашей интеллигенции разбились также о гранит деспотизма, распылившись в подвижнической борьбе одиночек, небольших кружков и групп.

Ленин был первый, кто возглавил победоносную революционную борьбу трудового народа, смывшую и пережитки крепостничества, и наш азиатский подлый капитализм. Он был и остается прежде всего вождем масс, далеко вышедшим за пределы России; вся его жизнь крепчайшими узами связана с классовой борьбой пролетариата всех стран и народов, но это ничуть не меняет положения, что для России, в России он был первым вождем-победителем, организатором революционной победы, дочиста, досуха смывшим старый строй.

Разумеется, борьба народных масс неизмеримо далеко ушла вперед от бунтов, от пугачевщины и разиновщины. Страна жестоко перемалывалась и пережевывалась железными челюстями капитала. В стране образовался, вырос, окреп новый класс работников наемного труда, и самый наш исконный крестьянин проходил предварительно беспощадную выгучку машинно-бетонного века. Новое «четвертое сословие» в меру своего роста, в меру общего разложения капитализма, своим идеалом, своей конечной целью поставило социализм — не утопический, не отвлеченный, а реальный, научный. Главным проводником его, проповедником в рабочих массах был Ленин. Но Ленин не был никогда только проповедником и учителем. Он был гениальным практиком. Он знал, что рабочий не добьется социализма, не победит царизма, если он не сумеет привлечь одну часть (беднейшую), нейтрализовать другую часть крестьянства (середняка). И одной из основных задач своей политики он поставил стык, смычку, добрососедство рабочего и крестьянина. В той степени, в коей это нужно было для победы над царизмом, над временным правительством, для подрыва власти господина Купона, для установки диктатуры пролетариата, он эту задачу разрешил гениально. Через рабочих, опираясь на них, с ними Ленин объединял, сплачивал, обучал, поднимал и бросал в бой наше крестьянство, ни на минуту, не упуская основной цели борьбы за коммунизм. В России этот стык облегчался тем, что большинство наших рабочих было связано с деревней.

Благодаря этой смычке, он и одержал победу. И оттого образ его выдвинулся и оставил позади себя пламенных борцов, глашатаев, сторонников, ратователей революционного дела. Он разбил косность, обломовщину, непротивленство; он стер в порошок нашу родную азию. Он доказал, что угнетенные побеждают, победят, победили, он показал, как организуется победа. Русь советов, это — достаточно наглядный аргумент. Тем самым в самые отсталые народные трудовые массы в России, в Европе, в Азии, в Африке, всюду он вселил, влил, усилил, укрепил веру, уверенность в свои силы, в торжество своих затаенных дум и надежд. С Лениным, через Ленина, в Ленине миллионы людей убедились на опыте, воочию, что победа труда не есть мечта, не есть чудесная, но несбыточная сказка. После Ленина нельзя говорить: «так было — так будет», «не нами началось, не нами и кончится». В нашей отсталой, косной стране это имеет бесценное значение.

Ленин не творил историю подобно демиургу или библейскому Иегове. Он не изменял направления, характера, русла исторического потока, но двигался вместе, внутри него, он был его частичей; но поток был живой, людской; Ленин был впереди его; он вносил в стихийное движение плановость, он предупреждал, где были опасные пороги, где можно было разбиться временно, потерять множество лишних жертв, и он бросал и бросался сам с бешеной энергией, где это нужно было, чтобы смыть, размывать, снести, уничтожить. Он ускорял движение, внося в него разум.

Ленин организовал победу революционных масс в России и подорвал старый мир во всех частях земного шара, объединяя пролетариат и крестьянство. Простое, ставшее стертым слово «смычка» означает не только трезвый учет, но огромное внимание и любовь и чутье к нуждам не только рабочим, но и крестьянским. Недаром Ленин не уставал доказывать, что две души у крестьянина: одна — собственническая, другая — трудовая. Вот почему Ленин стоит теперь как нечто исключительное и монументальное, как Гималаи в цепи гор и предгорий, заслоняя собой многое другое крупное и значительное. Вот почему имя его на устах миллионов людей и мимо гроба его прошло свыше миллиона людей, отдавая ему в рваной одежде при 20-градусных морозах свой прощальный долг, — и стоит в раздумьи у склепа рабочий, и причитает по-народному темная, неграмотная крестьянка, и плачет ребенок, и чтит его могилу кавказский горец, армянин, индус, китаец и негр, и смерть его стала огромным общественным явлением.

Ленин происходил из типичной интеллигентской семьи, но в нем не было ничего характерного для нашего прошлого интеллигентского поколения: ни гамлетизма, ни безалаберности и разбросанности, ни интеллигентской «широты натуры», ни обломовщины, ни чеховщинки, ни дostoевщинки, ни амикошенства, ни много иного подобного. Ленин — яркое, самобытное, индивидуальное лицо, но он не был индивидуалистом. Он — массовик с головы до пят. Он впитал в себя лучшие заветы революционного интеллигентского подполья от Герцена до народовольцев, но все же в целом он далек от них, и самое важное, чем он отличен, заключается в том, что Ленина нельзя мыслить, нельзя представить обособленно от широких масс рабочих и крестьян, между тем как все наши русские революционеры старого покроя из интеллигенции были всегда одиночками, вне народа, над народом. Конечно, Ленин жил в пору, когда трудящееся человечество пришло в великое социальное движение, когда оформился и созрел рабочий класс, но очень многое принадлежит ему, достигнуто в упорной работе над собой, Н. К. Крупская на XI съезде Советов очень точно, глубоко и верно сказала, что на мучительные, настоятельные вопросы т. Ленин нашел ответы у Маркса и пошел с ними к рабочим: «Но пришел он к рабочим не как надменный учитель. Он пришел как товарищ. Он не только говорил и рассказывал: он внимательно слушал, что говорили ему рабочие». Он учил рабочих и сам умел учиться у них. В этом нужно искать тайну мудрости Ленина. Именно благодаря этому умению он стал массовиком, слился с людьми труда, стал идейным выразителем их интересов, надежд, дум. По этой же причине, происходя из интеллигентской среды, он так мало походил на российского интеллигента и так много у него было от рабочего. Ленин — гениален. Его точный, ученый, вышколенный ум социального стратега, тактика и прозорливца, твердость и закал его воли, необычайная трудоспособность, умение спланировать, организовывать, действовать сообща, скрытый революционный пафос, ненависть до конца ко всему филистерскому, мещанскому, эксплуататорскому, деловитость, простота и полное отсутствие позы, — все это его, ленинское, индивидуальное. Но эти индивидуальные черты являются также и кровными типическими свойствами класса наемных работников. Такой контакт получился оттого, что Ленин учил и умел учиться у рабочего.

Многие интеллигентные мещане не понимают и удивляются бесстрашию Ленина. Да, он был бесстрашен, он умел идти до конца; раз убедившись, он действовал без колебаний и сомнений; он не мстил никогда ради мести, но в интересах революции он не останавливался ни перед какими жертвами, он не боялся крови,

где нельзя было обойтись без нее. Почему? Потому, что он умел ощущать потенциальную волю рабочего, умел «внимательно слушать», знал и понимал, чем они живут, чем дышат.

В нем билось поистине великое сердце с горячей любовью ко всем трудящимся. Это чувство покрывалось, скрывалось деловитостью Владимира Ильича. Можно сказать, что у него это чувство целиком ушло в дело, в практику.

В уменьи учить и учиться у рабочих нужно искать объяснения и тому исключительному единственному влиянию, каким тов. Ленин пользовался в рядах коммунистической партии. Русская революция, это — большевизм. Большевизм, это — Ленин. Коммунистическая партия — ленинская партия.

Ленин и наша партия — синонимы. Но партия большевиков только потому разбила и разнесла в щепки царский трон, подорвала власть господина Купона, привела к банкротству мещанских социалистов, что следовала за своим вождем: учила и сама училась у масс. Оформляя и переводя на ясный социально-политический язык то, что бродило в рабочих низах, что часто только инстинктивно переживал рабочий, Ленин создавал в партии особую атмосферу, психическую, общественную среду, в которой чудесно перекраивались, переделывались лучшие революционные интеллигенты: они совлекали с себя интеллигентщину и проникались настроениями и мыслями наиболее передовых рабочих. Лучший пример — кадры профессиональных революционеров, старая гвардия, в большой степени пополнявшаяся интеллигентами.

Но ни партия, ни Ленин никогда не льстили, не потакали рабочим массам, не плелись в хвосте. Наоборот, партия Ленина всегда старалась поднять рабочую массу до уровня наиболее революционного, решительного и сознательного авангарда, беспощадно борясь с трэд-юнионизмом, с экономизмом, с реформизмом, с ликвидаторством. В этом сочетании чистоты движения, ортодоксальной твердокаменности со способностью учиться у рабочих масс — вся суть большевизма. Это — тот камень, на котором зиждется наша партия,

«и врата адавы не одолеют ее».

* * *

Этому учил тов. Ленин свою партию.

Ленин, это — стык Запада и Востока и не только Востока. Ленин сумел объединить новейшую революционную классовую борьбу пролетариата Запада с освободительной борьбой поработенных, отсталых, находящихся на низших ступенях культуры народов Азии, Африки, Австралии, Америки.

Ни в чем с такой силой, наглядностью и очевидностью не обнаружилась изумительная чуткость тов. Ленина, понимание и знание нужд и положения угнетенных, как именно в его отношениях к этим народностям, находящимся под самым нечеловеческим гнетом своих и иностранных поработителей. Ленин твердо знал, что ни о каком подлинном социалистическом общежитии не может быть речи, пока целые нации превращены в рикш на потребу мистеров и лордов, банкиров и финансистов, пока не потрясен патриархальный экономический и политический уклад этих наций, государств.

Великой заботой об этих дремлющих недавно Тегеранах, об этой всесветной Азии, поработченной и разграбляемой, проникнута была вся жизнь тов. Ленина. И здесь он не уставал, не утомлялся бороться с мистерами и лордами, с национальными деспотами и угнетателями. Он не давал потачки и тем верхушкам и прослойкам западно-европейских и американских рабочих, получавших подачки от всесветных грабителей, которые так или иначе, активно или пассивно, сознательно или бессознательно прикладывали свою руку или попускали капиталистов своей страны, государства убивать, обирать, превращать во вьючных животных, в пушечное мясо индуса, негра, китайца. И он бил по самым больным, по самым опасным местам старый мир, бил твердо, точно, неустанно.

В этой области почти вся оценка тов. Ленина впереди, в веках, ибо у нас нет достаточных данных для подведения хотя бы приблизительных итогов. И не случайно, конечно, Ленин вышел из России. Именно, Россия лежит на стыке Востока и Запада, и в России наряду с высоко-развитым капитализмом бок-о-бок гнезвился азиатский уклад жизни.

Он был интернационалистом таким, каких не было. И к нему больше, чем к кому-либо, должны быть отнесены слова поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

Друг трудового человечества, никогда, ни в чем, нигде не изменявший ему, — таким жил и таким сошел он в могилу.

* * *

О Ленине, выдвинувшем идею власти Советов и практически осуществлявшем диктатуру пролетариата, нужно писать особо. В этой области требуются целые исследования. Кроме того, деятельность тов. Ленина в этот период протекала на глазах миллионов людей. Здесь достаточно отметить одну черту. Борясь

за осуществление диктатуры пролетариата, Ленин не уставал противопоставлять формальный, «чистый», буржуазный демократизм пролетарскому, плебейскому. Вместо игры во свободы, в парламенты с четыреххвостками тов. Ленин двинул сотни тысяч рабочих и крестьян в хозяйство, в Красную армию, в государственные и партийные органы. Он дал им реальную, а не призрачную власть и находил, что сущность пролетарского демократизма заключается именно в том, чтобы рабочие получили доступ в школы, в университеты, чтобы они овладели «храмами науки», чтобы они управляли фабриками, заводами, государством.

Большие и маленькие Керенские до сих пор льют слезы и не понимают, как это случилось такое грехопадение, что рабочие отвернулись от всех великолепных свобод и предпочли «режим террора и насилия». Дело же очень простое и ясное: «режим террора и насилия» на наших глазах создал огромные кадры нового демоса, ставших хозяевами экономической, политической и культурной жизни страны.

И в этом тов. Ленин в конечном итоге только «внимательно слушал, что говорили ему рабочие», ибо Советы стихийно выдвинула прежде всего сама рабочая масса.

* * *

Смерть и похороны тов. Ленина показали и подчеркнули, что он подлинно-национальный, народный вождь и герой. Смерть тов. Ленина нашла такой могучий, массовый отклик во всей стране, какого никто не ожидал. Дрогнула и печаль утраты почувствовала вся Россия. Стало видным, наглядным и знаемым, какое неисчислимое количество людей — вся трудовая Русь — считало его близким, нужным, любимым, единственным, своим. И недаром мы являемся свидетелями того, как сотни тысяч мозолистых людей, стоявших в стороне от коммунистической партии, решили продолжать дело тов. Ленина в ее рядах.

Ленин принадлежит к тем великим людям, значение, удельный вес которых со смертью непрестанно растет в веках, в будущем. Уже теперь, на наших глазах его имя становится легендой, сказкой, сагой. Разные группы нашего пестрого населения уже сочиняют, создают, творят своего Ленина и ищут в нем воплощения своих надежд, идеалов и мыслей. Одни видят в нем непротивленца, другие — доброго американского дядюшку, третьи — культуртрегера, четвертые — хитроватого, хозяйственного мужичка, пятые уже окутывают его мистическим туманом.

Можно также быть уверенным в том, что буржуазный мир помимо клеветы и проклятий постарается извратить образ тов. Ле-

нина, и одна из очередных задач будет заключаться в том, чтобы решительно бороться против таких извращений. А в этом, конечно, недостатка не будет.

Но что сказать о тех «социалистах», которые во дни общего траура не нашли ничего лучшего, как твякнуть из-под зарубежной подворотни облезлой шавкой. А было и это. В № 368 «Дней», органе эс-эров и эн-эсов, напечатано было: «В промежутке между революцией 1917 года и началом 1914 года лежит мрачнейший для биографии Ленина период “циммервальдизма”. Не сама по себе борьба против войны кладет темное пятно на репутацию революционера. Пацифистов, агитировавших против войны, можно найти в каждой из боровшихся наций. Ленин умер, не погасив и не стараясь погасить прямое обвинение в его связи с германским штабом». Писалось все это во дни, когда буквально вся Москва шла ко гробу Ленина. Дневская шавка до того безмозгла и тупа, что называет Ленина, бросившего лозунг «война войне»... пацифистом. А о связи с германским штабом сейчас, после 6 лет революции нашей, могут говорить только выродки: тут нечего опровергать.

* * *

Тов. Ленин оставил нас в сложных, противоречивых условиях общественной жизни: государственного социализма и нэпа, признания Сов. России буржуазным миром и неустанных, новых, тайных и явных, подкопов под республику Советов и т. д.

Ленин сделал коммунизм вопросом дня, сделал его практической и тактической проблемой. Далекое стало близким, осязаемым, зримым, идеальное реальным. Коммунизм теперь не доктрина, а дело, практика, повседневная борьба и работа.

В этом смысле тов. Ленин стал новым Прометеем, сведший священный огонь социализма с небес на землю.

Много грозных опасностей каждодневно, ежечасно, на каждом шагу подстерегают паладинов новой земли обетованной. Но мы уже в пути; отошли слишком далеко от плена капиталистического Египта. Возврата нам нет, да и не могут хотеть его испытывавшие это иго. На нас, современниках, соратниках тов. Ленина, на нас, старогвардейцах, проходивших свой жизненный путь плечо с плечом вместе с ним, сковавшим свою жизнь с ним нерушимо, лежит особо тяжелая, почетная и великая ответственность: довести дело до конца, быть последовательными и непреклонными, как последователен и непреклонен был он. К одному из главнейших заветов, к одной из самых сложных проблем — к смычке пролетариата и крестьянства — мы обязаны отнестись с особым вниманием:

ведь Ленина, который с особой остротой выдвигал постоянно этот вопрос, теперь нет.

Да не дрогнут руки наши, да не опустятся наши боевые красные знамена!